

Едва заведя архивный свиток, Лэ Уя сразу же почуял неладное.

Свой путь на поприще государственного правосудия он когда-то начинал не где-нибудь, а в Высшем палатном суде — Далисы.

Через его руки в те годы дела текли нескончаемым бурным потоком. Насмотревшись на человеческую подлость, хитросплетения судеб и леденящую изменчивость мира, Лэ Уя давно взрастил в себе уникальный навык: ему хватало лишь одного беглого взгляда на бумаги, дабы безошибочно вычленить скрытые изъяны и противоречия любого происшествия.

В душе каждого правителя и сильного мира сего всегда подвешены невидимые весы, на которых они привычно взвешивают чистое золото, людские связи и чужие жизни, это давно превратилось в подсознательную привычку.

И если говорить начистоту, то короткая жизнь малолетнего Чан Сяоху на этих негласных весах империи весила не больше птичьего пуха.

Бросив взор на его дело, любой мало-мальски мыслящий человек сразу бы сообразил, что парень вовсе не по чистой случайности оступился на берегу. Однако предел чужой догадливости, как правило, ограничивался лишь одной мыслью: хозяева рудника проявили звериную жестокость и попросту забили до смерти нерасторопного шахтера.

Но если увязать эту трагедию с последующим громким делом о «государственной измене» Мин Сянчжао, то Лэ Уя волей-неволей приходилось заглянуть на целую ступень глубже.

Мин Сянчжао, ведомый исключительно пылким юношеским мужеством и жадой справедливости, в одиночку ринулся расследовать обстоятельства гибели Чан Сяоху.

Кабы заговорщикам нужно было просто избавиться от «назойливой мухи», в их арсенале имелось множество проверенных и куда более простых способов: подослать наемников и переломать парню кости в темном переулке или взять в заложники его престарелую мать, дабы силой и угрозами заставить его отказаться от поисков правды.

Но вместо этого против него с ходу выдвинули чудовищное обвинение в мятеже, а это означало, что Мин Сянчжао умышленно и безжалостно обрекали на смертную казнь с полным истреблением рода.

Из этого следовало лишь одно: хозяева рудника «Сяофу» до смерти боялись вовсе не того, что всплывет правда об одной отнятой жизни несчастного подростка.

За высокими заборами они прятали куда более страшную, колоссальную тайну, которую обязаны были сберечь любой ценой.

А потому, дабы полностью вернуть честное имя Мин Сянчжао и вырвать его из лап палачей, Лэ Уя был обязан до последнего иероглифа раскопать и распутать дело Чан Сяоху.

Досконально изучив все обстоятельства гибели мальчика, Лэ Уя выделил в уме два главных, нестыкующихся изъяна.

Первый, подлинная причина кончины.

Чан Сяоху испустил дух от сокрушительного пролома черепа еще до того, как его тело коснулось речной глади.

Однако, если бы какой-нибудь надсмотрщик на руднике просто вспылil и в пылу ссоры случайно зашиб паренька насмерть, хозяевам было бы куда сподручнее сжечь труп прямо на месте в угольной печи. А после, ссыпать прах в глиняный горшок, вернуть безутешной вдове Су и соврать, будто ее сын угас от лютой лихорадки. А сожгли тело, мол, исключительно из-за летнего зноя, дабы не расплодить заразу и не погубить весь забой.

В конце концов, рудник «Сяофу» был полностью отрезан от внешнего мира, вести оттуда практически не проникали наружу. Нет тела — нет и улики, разве не чистая выходила бы работа?

Бросать же труп в реку и позволять ему плыть по течению прямо к городским воротам, это шло вразрез со всяким здравым смыслом.

Второй изъян заключался в странных взаимоотношениях Гэ Эр-цзы и руководства рудника.

Обычный уличный проныра и бездельник круглыми годами отирался по подворотням, не имея честного заработка, но при этом умудрялся регулярно находить немалые монеты для игры в подпольных притонах. Откуда у него заводились эти средства?

И каким образом этот босяк умудрился протоптать дорожку к хозяевам «Сяофу» и пристроить туда своего хилого племянника?

Угольный рудник — место суровое, и его управляющие ни за что не стали бы по доброй воле брать на содержание полуживого заморыша. Случись пареньку угаснуть от недуга прямо в шахте, для конторы это обернулось бы лишней бумажной волокитой и ненужными хлопотами.

А уж отправлять такого слабака на тяжелые подземные работы и вовсе было равносильно тому, чтобы собственноручно выписать ему путевку на тот свет.

К тому же, если верить соловьиным речам Гэ Эр-цзы, Чан Сяоху брали туда на весьма почетную и чистую должность, в ученики к главному счетоводу.

Но ведь счетоводная канцелярия на любом предприятии — это самое сердце хозяйства, куда стекаются все тайные денежные потоки. Туда никогда в жизни не допустят постороннего человека с улицы.

С какой стати хозяева рудника вдруг позволили какому-то занюханному уличному жулику наложить лапу на столь теплое и прибыльное местечко?

Относительно этих двух загадок в разуме Лэ Уя еще до начала процесса сформировалась четкая догадка, а стоило ему воочию узреть Гэ Эр-цзы на судебском помосте, как эти подозрения превратились в железобетонную уверенность.

Этот проныра умудрился проявить безумную отвагу, устроив грабеж прямо под носом у вооруженных судебных гвардейцев, но при этом обладал на редкость подвешенным языком, досконально знал законы империи и виртуозно умел выворачивать статьи ради собственной выгоды. Перед судом стоял человек редкой наглости и с абсолютно черной, прогнившей душой.

Лэ Уя ни капли не сомневался: Гэ Эр-цзы долгие годы состоял в тайном сговоре с верхушкой рудника «Сяофу». Прикрываясь вывеской благородного посредника, подыскивающего людям честный заработок, он на самом деле промышлял самым настоящим похищением и продажей свободных подданных в рабство.

Труд в угольных шахтах изнурителен и смертельно опасен, отчего вольных дураков идти туда добровольно практически не находилось. А кабы хозяева вздумали нанимать рабочих по закону, им пришлось бы выкладывать за это колоссальные, разорительные суммы.

Казенные императорские рудники могли бесплатно черпать рабочую силу за счет государственной каторги и принудительной повинности.

А вот частным владельцам ради снижения расходов приходилось по цепочке пускаться во все тяжкие. Самым излюбленным их маневром было заманивать доверчивых чужаков из дальних провинций обещаниями золотых гор. Едва несчастные переступали порог шахты, у них силой отбирали все пожитки, деньги и подорожные грамоты, после чего зашвыривали в бараки под замок. Надсмотрщики ударами тяжелых дубин гнали их в забой, одновременно подслащивая рабский труд лживыми посулами: мол, отпашете на хозяина пять-восемь лет, получите на руки мешок серебра и с миром вернетесь к родным очагам.

И эта сладкая ложь поддерживала в несчастных остатки жизни до тех пор, пока их тела окончательно не превращались в высосанный до капли шлак, а из жил не вытекали последние капли крови и пота.

Малолетний Чан Сяоху стал лишь одной из бесчисленных жертв, сгоревших в этой ненасытной подземной утробе.

И пускай пока оставалось загадкой, по какой причине Гэ Эр-цзы решил скормить чудовищу собственного родного племянника, но раз этот мерзавец был заядлым игроком, вся его мотивация неизменно сводилась к одному-единственному слову — «нажива».

Чан Сяоху был истинно достоин глубокого сострадания.

Он родился и вырос здесь, в Наньтине, он был дитятей, вскормленным чистыми водами реки Наньтин. И его стремление прорваться сквозь заслоны обратно к материнскому дому совершенно точно было во сто крат сильнее, чем у тех несчастных чужаков, кто сгинул в неизвестности вдали от родных краев.

Лэ Уя слегка прикрыл веки.

В его воображении с поразительной четкостью соткалась картина ушедших дней.

Глухая летняя ночь, небеса разверзлись проливным, яростным дождем. Чан Сяоху каким-то чудом улучил момент и вырвался из-под бдительного надзора свирепых шахтных забойщиков. Мальчишка бежал без оглядки, утопая в чернильной темноте под глухие проклятия и крики погони, что с факелами настигала его по пятам.

Задыхаясь от нехватки сил, со сбитым дыханием, он спотыкался, падал и вновь поднимался, упрямо продираясь сквозь хлещущие потоки грязи и воды, борясь за собственную жизнь.

Путь через главные ворота был для него заказан, а потому в его отчаянной голове осталась лишь одна последняя надежда — река Наньтин.

Прыгнуть в бурлящий поток и позволить реке унести себя вниз по течению: в этом безумии крылся его единственный, призрачный шанс на спасение.

Здоровье у Чан Сяоху было из рук вон скверным, и этот побег окончательно истощил его и без того скудные силы. Даже если бы он успел прыгнуть в реку, плыть у него уже попросту не хватило бы мощи.

Однако бежать парню было больше некуда.

В то самое мгновение, когда он уже готов был сигануть в воду, преследователи настигли его.

Тяжелая деревянная дубина взметнулась ввысь и со всего размаху обрушилась на его затылок.

Чан Сяоху вмиг потерял сознание и лицом вперед рухнул в бурный поток.

Плюх.

Глухой всплеск падающего тела бесследно утонул в шуме проливного дождя, словно мелкая капля, растворившаяся в великом течении.

Пока что все это оставалось лишь личными догадками Лэ Уя.

Однако он ни капли не зазорно было повесить всю эту вину на Гэ Эр-цзы, дабы проверить его реакцию.

Стоило словам Лэ Уя разнестись по залу, как лицо Гэ Эр-цзы исказилось. Мускулы на его щеках начали судорожно подергиваться, а от бывшей ушлой и изворотливой спеси не осталось и следа.

Узрев, что подсудимый стал бледнее земли, Лэ Уя невозмутимо встряхнул листом с текстом признания:

— Коли возражений нет, несите свиток ему на подпись, пускай ставит отпечаток пальца.

Договорив, он протянул бумагу судейскому секретарю.

Писарь, видя столь непоколебимую уверенность уездного начальника, говорившего так, будто все это было чистейшей правдой, перечить не посмел. Он поспешно склонил голову и мелкими шажками приблизился к столу, дабы принять документ.

Пока секретарь нес признание к Гэ Эр-цзы, его сердце испуганно колотилось в груди, точно безумное, он до смерти боялся, что их блеф вот-вот раскроется.

Однако не успел он сделать и пары шагов, как до Гэ Эр-цзы окончательно дошло, какая страшная беда нависла над его головой.

Проныра досконально знал законы империи, а потому его ужас сейчас был во сто крат сильнее, чем у любого неграмотного бедолаги.

Если он сейчас безропотно поставит свой отпечаток под этим свитком, то в самом лучшем случае его ждала вечная каторга на самых глухих окраинах Поднебесной без права возвращения.

А в худшем — его могли вздернуть на виселице дважды подряд.

Ум у Гэ Эр-цзы был изворотливым. Внимательно наблюдая за происходящим, он заприметил,

что уездный судья обходился с ним с подчеркнутой свирепостью, в то время как к главному надсмотрщику рудника Лу выказал всяческое почтение и вежливость.

Узрев эту картину своими глазами, жулик сразу все для себя разложил.

«Этот барин явно вознамерился высоко замахнуться на рудник «Сяофу», но опустить удар мягко — отделаться символическим наказанием для хозяев и замять дело! — в панике рассудил он. — Вот же твари! Я столько времени гнул на них спину и таскал каштаны из огня, получая за это лишь жалкие объедки, а как припекло, они решили сделать из меня козла отпущения!»

Он мгновенно соорудил на лице маску глубочайшего страдания, прополз несколько чи на коленях вперед и истошно завопил:

— Судья! Судья! Все это собачий бред! Напраслина! С чего бы ничтожному рабу творить подобные бесчинства?! Я ведь из чистой доброты душевной желал подыскать Сяоху достойное будущее, дабы у моей овдовевшей невестки появилась надежная опора в жизни! С каких это пор забота о сиротах стала промыслом работоторговлей?!

Лэ Уя одарил его ленивым, презрительным взглядом:

— И кто же ты таков по статусу, чтобы иметь связи в счетоводной канцелярии рудника «Сяофу» и пристраивать туда учеников? Через какого влиятельного покровителя ты действовал? Чье имя послужило тебе мостом? Изволь назвать суду. Раз уж вся верхушка рудника сейчас находится в стенах управы, кого именно из них ты желаешь вызвать сюда ради очной ставки, а?

Гэ Эр-цзы запнулся, не найдя слов:

— Я...

Лэ Уя улучил идеальный момент и пошел в решительную атаку, сжимая кольцо:

— Ты прекрасно ведал, что Чан Сяоху слаб телом и здоровьем, но умышленно заманил его на рудник ради каторжного труда под землей, свято веря, что оттуда ему уже никогда не выбраться живым. У твоего покойного брата этот мальчик был единственной кровью. Стоило ему безвременнo угаснуть, а несчастной вдове Су остаться в полном одиночестве, и ты бы без труда прибрал к рукам их скудное наследство. Поразительный по своей низости и коварству замысел!

Ноздри Гэ Эр-цзы начали яростно раздуваться. Признавать вину и добровольно подписывать себе смертный приговор ему не хотелось, а потому он попросту принялся всю кататься по полу и нагло завывать:

— Судья возводит на меня напраслину! Оболгали безвинного раба! Вековая несправедливость!!!

— ...О какой такой несправедливости ты здесь смеешь выть?

Этот леденящий, стальной вопрос внезапно донесся со стороны главных ворот судебной управы.

Отряд стражников во главе с Хэ Цинсуном как раз победоносно вернулся в ямынь, ведя за собой пятерых сторбленных, испуганно вжимающих головы в плечи шахтеров.

Вот только по какой-то неведомой причине впереди всей процессии теперь уверенным и твердым шагом шел Цзян Хэ.

Сам Хэ Цинсун и его подчиненные не только не выказывали по этому поводу ни малейшего недовольства, но, напротив, их лица были преисполнены глубокого трепета и паники, и они явно порывались, но не находили в себе смелости что-то доложить начальству.

Цзян Хэ четкой, выверенной военной походкой приблизился к судейскому столу, почтительно скрестил руки на груди и отвесил Лэ Уя короткий, сдержанный поклон.

Лэ Уя лучезарно улыбнулся и благожелательно кивнул ему:

— С возвращением. Вы знатно потрудились.

Цзян Хэ приподнял голову и устремил взор на восседающего на помосте улыбающегося уездного начальника.

Стоило их отряду переступить порог рудника «Сяофу» и объявить о цели своего визита, как навстречу им с дикими криками вывалился добрый десяток дюжих молодчиков, вооруженных боевыми палашами-подао. Бандиты принялись громогласно клясться, будто перед ними фальшивые стражники, явившиеся ради грабежа, и силой попытались помешать им увести шахтеров. Именно в ту секунду до Цзян Хэ наконец дошло, ради какой именно задачи Лэ Уя отправил его следом за конвоем.

Этот рудник «Сяофу» совершенно точно творил под своими сводами какие-то темные, зловещие и кровавые дела!

Будь на руднике в тот момент хоть один законный управляющий, он непременно вышел бы к незванным гостям, дабы успокоить людей, затянуть время в переговорах и хотя бы ради видимости сохранить мир, а уже потом медленно и расчетливо искать выход из тупика.

Однако уездный начальник умудрился просчитать все на много шагов вперед. Он сыграл на опережение и заблаговременно изъяс с территории шахт абсолютно всех, кто имел хоть какой-то вес и право голоса.

Лишившись своего ядра, рудник «Сяофу» превратился в змеиное кубло без головы. Там остались лишь несколько свирепых старших и младших надсмотрщиков, привыкших решать любые споры исключительно грубой силой, а подобные громилы в критический момент легче всего пускаются на самые глупые и опрометчивые шаги.

Лишь после того как Цзян Хэ одним точным ударом меча уложил на землю верзилу, который был на целых две головы выше его самого, пыл хлынувшей на них оравы бандюков слегка поути.

Тем не менее, дабы соблюсти полную безопасность, Цзян Хэ запустил руку в свой серый холщовый сверток и извлек оттуда короткий кремневый пистолет.

Все-таки он отправился на казенную службу, да еще и в сопровождении высокородных молодых господ, так что снаряжение у него было укомплектовано по высшему разряду.

Стоило грозному оружию со звонким щелчком встать на боевой взвод, как ноги разъяренных громил намертво пригвоздило к дорожным камням.

Следом за этим Цзян Хэ нырнул ладонью в поясной мешочек и властным жестом выставил перед собой тяжелый литой жетон:

— Столичная гвардия Цзиньувэй ведет дознание! Посторонним немедленно разойтись!

От этого зрелища и рудничные псы, и Хэ Цинсун со своими стражниками разом оцепенели от неописуемого потрясения.

«Наш уездный барин... умудрился припахать к делу самую столичную гвардию?!» — в панике подумали стражи уезда.

Неужто скромные дела захолустного уезда Наньтин уже успели докатиться до ушей верховных властей в далекой столице, что раскинулась за тысячи ли отсюда?

Глядя на их вытянувшиеся лица, Цзян Хэ тихо и сокрушенно вздохнул.

Ему до смерти не хотелось раскрывать карты раньше времени.

Однако, кабы он не желал допустить кровавой резни и не позволил ситуации окончательно скатиться в неуправляемый хаос, у него попросту не оставалось иного выхода, кроме как явить

миру свой подлинный статус.

Стоило ему отдать короткий приказ, как местная стража стряхнула с себя оцепенение. Парни мигом бросились врассыпную по территории и в считанные минуты разыскали-таки пятерых рабочих с пришлым говором, которые прямо в эту ночную секунду гнули спины в забое. Живой товар доставили пред очи Цзян Хэ. Убедившись, что все исполнено в точности, он велел связать их одной крепкой веревкой цепочкой и увел прочь с проклятого рудника «Сяофу».

Хэ Цинсун и остальные стражники теперь шли, едва смея дышать от дикого трепета. Цзян Хэ строго-настрого запретил им проговариваться перед миром о его подлинной службе, и бедолаги, не смея перечесть ни в едином слове, покорно закивали головами. Сжавшись от страха, точно намокшие под дождем перепелки, они унылой цепочкой конвоировали пятерых испуганных шахтеров обратно к судебной управе.

Сами же эти пятеро рабочих, напоминавшие ходячих мертвецов, лишь преодолев добрую половину пути, начали мало-помалу приходить в себя.

Они... действительно покинули этот ад?

С каждым сделанным шагом их сердца затапливало такое неистовое волнение, что один из несчастных в конце концов не выдержал и горько, в голос разрыдался на всю улицу.

Видя, что человек плачет в таком безутешном горе, Цзян Хэ посчитал долгом расспросить его о причинах.

Однако стоило ему услышать ответ, как гвардеец едва не лишился дара речи от величайшего возмущения.

Священная милость Сына Неба сняла прежние строгие запреты на разработку недр исключительно ради того, чтобы дать бедному и простому люду верный способ прокормить свои семьи!

Кто же мог помыслить, что эта высочайшая благодать превратится в руках местечковых богачей и тиранов в чудовищное орудие для истязания мирных подданных и набивания собственных карманов чужой кровью?!

С каждым шагом ярость в душе Цзян Хэ закипала все сильнее. И когда он, ведомый этим праведным гневом, решительно переступил порог судебного зала, до его ушей донеслись плаксивые вопли Гэ Эр-цзы, который катался по полу и истошно кричал о своей невинности перед лицом Вэньжэнь Юэ.

Еще по дороге гвардеец успел досконально разузнать, какую именно роль этот уличный проныра играл в грязных делах рудника «Сяофу», а потому его терпение окончательно

лопнуло, и он громогласно оборвал этот цирк своей леденящей репликой.

При этом восседавший на помосте уездный начальник даже бровью не повел от того, что какой-то «заезжий купец» бесцеремонно влез в судебный процесс и принялся раздавать приказы прямо посреди зала заседаний.

Столкнувшись с таким абсолютным спокойствием судьи, Цзян Хэ еще сильнее укрепился в мысли: этот Вэньжэнь Юэ совершенно точно с самого начала знал, кто он такой на самом деле.

Да где же, в каких таких мелочах он умудрился столь глупо выдать свою маскировку?..

Впрочем, мысли самого Лэ Уя в этот момент были бесконечно далеки от душевных терзаний гвардейца.

Яркое, торжественное сияние судебных светильников до мельчайших подробностей высвечивало перед присутствующими изможденный облик пятерых доставленных шахтеров.

Их глаза, брови и рты были сплошь забиты жирной, въевшейся угольной копотью: вылитые старые черные вороны. Кожа на их телах мертвой, иссохшей коркой обтягивала выпирающие кости и была покрыта жуткими иссиня-черными подтеками, так что с первого взгляда невозможно было разобрать, где кончается вековая грязь и начинаются следы от жестоких побоев.

Гэ Эр-цзы украдкой скользнул взглядом по вошедшим рабочим и вдруг замер как вкопанный от дикого ужаса. Он поспешно вскинул широкие рукава халата, сиясь наглухо спрятать лицо и облик, точь-в-точь как перепуганная черепаха, втягивающая голову под панцирь.

Вот только его маневр запоздал.

Один из измученных шахтеров тоже успел в упор разглядеть его фигуру

Горло этого шахтера словно было сожжено и изувечено ядовитыми рудничными испарениями, но стоило ему заприметить Гэ Эр-цзы, как его глаза расширились настолько, что едва не брызнули кровью. Задыхаясь от ярости, он хриплым голосом выкрикнул суровое обвинение:

— Судья!!! Мое имя Ма Лянь, я родом из земель Жуняня! Полгода с лишним назад я держал путь в Наньтин, дабы приклонить голову под кров моих родственников. Да только те, как выяснилось, уже давно снялись с места и уехали. Я лишь вознамерился отыскать в этих краях честный заработок, как вдруг повстречал этого проклятого ублюдка! Он обольстил меня сладкими речами, заявив, будто одному местному богачу позарез нужны поденщики на уборку пшеницы, а сам коварно сбыв меня на рудник! Молю вас, господин судья, явите милость, заступитесь за простого подданного!

Узрев, что его грязные делишки окончательно выплыли наружу и скрывать их более невозможно, Гэ Эр-цзы перестал валять дурака. Одним стремительным рывком он перевернулся и сел прямо на полу:

— Судья! Ваш слуга пошел на это вовсе не по своей воле, меня до последнего принуждали и запугивали хозяева рудника «Сяофу»!

Лэ Уя лениво протянул:

— Да?

Сердце Гэ Эр-цзы колотилось в груди со звонким, безумным перестуком, точно боевой барабан.

В свое время он решился скормить чудовищу родного племянника Чан Сяоху лишь потому, что по уши погряз в игорных долгах и оказался прижат к стене. А поскольку в те дни в уезд, как назло, не забредало ни одного доверчивого чужака, которого можно было бы без шума обмануть и похитить, у него попросту не осталось иного выхода, кроме как наложить лапу на мальчишку.

В его подлой голове тогда созрел циничный расчет: этот хлипкий племянник от рождения рос нежилцом, и встретить достойную старость ему все равно было не суждено. Раз уж пареньку суждено мучиться, отчего бы не пустить его жизнь в дело ради спасения дядиного кошелька?

Да и вдовствующая невестка Су, пускай и жила в крайней нужде, но все же владела тремя добротными жилыми комнатами под черепичной кровлей.

Стоит ее единственной плоти и крови сгнуть без вести, а самой женщине окончательно состариться и наполовину уйти в могилу, разве она не станет покорной глиной в его руках, из которой он сможет вылепить все, что душевнике угодно?

Но теперь, когда этот леденящий умысел вот-вот готов был открыться перед всем залом, Гэ Эр-цзы ни за что не желал безропотно покорно идти на плаху:

— Рудник «Сяофу» обладает колоссальной силой, их руки способны дотянуться до самых небес! Это они держали меня в железных тисках! Вот именно! Они велели мне притащить к ним Сяоху исключительно ради того, чтобы сделать моего драгоценного племянника заложником! Так они страховали себя, дабы ваш слуга вовек не посмел проговориться миру об их пугающих делах! Кабы эти выродки не грозились вырезать под корень мою несчастную невестку и невинного дитя, я бы под страхом смерти никогда в жизни не пошел против совести и не сотворил столь гнусного греха!!!

Лэ Уя веско обронил короткое «о», и по его лицу было отчетливо видно, что он не поверил ни единому слову этого соловья:

— И какова же подлинная мера их «небесного могущества»? Твои собственные ноги даны тебе уездом в качестве украшения? Что мешало тебе попросту сняться с места да бежать куда глаза глядят?

— Не сбежать... Вовек от них не сбежать!

Ради спасения собственной шкуры язык и мысли жулика сейчас вращались с поразительной, сверхъестественной скоростью.

В одно мгновение его изворотливый ум нащупал колоссальный, железобетонный довод.

Ведь еще сегодня днем, томясь в тюремных застенках ямыня, он своими глазами видел того человека!

Он поспешил без промедления выставить этот козырь перед судейским столом:

— самого господина Мина, который имеет высокое звание ученого, эти твари без труда умудрились превратить в государственного изменника и мятежника! Куда уж мне, безродному простолыдину, тягаться с такой сокрушительной силой, а?!

Лэ Уя размеренно и неторопливо переспросил:

— Ученый Мин? Ты имеешь в виду... Мин Сянчжао?

Гэ Эр-цзы закивал головой с такой частотой, словно колотушка:

— Именно, именно, его самого, господин судья! Его подло оклеветали и подставили!

Тихонько отступивший к дверям судебного зала Цзян Хэ при этих словах невольно замер как вкопанный.

У него в груди зародилось стойкое ощущение, что сегодняшний вечерний процесс разворачивается по какому-то пугающему и странному сценарию. Судья тянул за одну тонкую ниточку, начав с банального вскрытия оскверненной могилы, плавно перешел к делу о ночной драке и увечьях, затем вскрыл давнее кровавое убийство подростка, а теперь дело и вовсе разрослось до масштабов государственной измены!

Все это поразительно напоминало колоссальную, безупречно сплетенную рыбацкую сеть, которая с шелестом опускалась на уезд из поднебесья, и из ячеек которой ни один грешник не был способен вырваться или спастись.

А сам создатель этой великой паутины сейчас невозмутимо восседал на высоком помосте, озаряя зал мягкой, торжествующей улыбкой.

— ...Вот как? И у тебя, надо полагать, имеются неопровержимые доказательства?

Лэ Уя выпрямил спину и с оглушительным, громоподобным треском обрушил колотушку на судейский стол:

— Доставить в зал заседаний подсудимого Мин Сянчжао, а также призвать всех свидетелей по его делу!

<http://bllate.org/book/18193/2007842>